

IV. К 150-ЛЕТИЮ В. И. ВЕРНАДСКОГО

12

Ноосферное наследие В. И. Вернадского

В. Н. Василенко

Соотношение человек \Leftrightarrow ноосфера неразделимо. XX век – век ноосферы.

Ноосфера, в которой мы живем, является основным результатом моего понимания окружающего. Ноосфера – последнее из многих состояний эволюции биосферы в геологической истории – состояние наших дней. ...В структуру ноосферы входит человеческая мысль.

Думаешь о будущем, которое мне представляется путем в ноосферу.

В. И. Вернадский.

Ноосферное мышление – мышление XXI века: девиз празднования 150-летия со дня рождения академика В. И. Вернадского

Министерство образования и науки России

Большинство биографов В. И. Вернадского, оценивая его вклад в развитие наук, знаний, основной акцент делают на геологических обобщениях (ценных самих по себе) или других достижениях. Однако до сих пор недооцениваются его пионерные работы о роли ноосферного потенциала науки в системе образования и институтах науки, позволяющего упреждать этноэкологические угрозы. В предлагаемом очерке среди прочих рассматриваются вопросы: как Вернадский «открыл» ноосферный феномен мышления и сознания Человека в биосфере и чем это выразилось в его долгой жизни, граждански подвижническом творчестве? Какое значение имеет творческое наследие ученого в наше время, эпоху обострения

Эволюция 5 (2013) 332–361

угроз глобализации? В статье раскрываются **источники и основы ноосферного феномена биографии и научного вклада В. И. Вернадского** – великой Личности, Ученого и Гражданина XX в.

Уже в самом начале своего творчества молодой ученый писал: «Жизнь святая – есть жизнь по правде. Это такая жизнь, чтобы слово не расходилось с убеждением, чтобы возможно больше, по силам, помогал я своим братьям, всем людям, чтобы возможно больше хорошего, честного, высокого я сделал, чтобы причинил возможно меньше, совсем, совсем мало горя, страданий, болезни, смерти. Это такая жизнь, чтобы, умирая, я мог сказать: я сделал все, что мог сделать» (Вернадский 2007: 30). При этом ученый всю жизнь стремился уважать чужую личность. Мой вывод подтверждает Боровской дневник. «Пятница. 30.I.1942, утро. Трагическая гибель дорогой нам семьи *Гревсов* как грозное *temento* [напоминание] стоит перед нами. Но теперь <достигли времени>, в котором мы прошли в жизни самые глубокие испытания, какие только мыслимы в человеческих испытаниях наших семейных структур. И мы их пережили, сохранив целиком нетронутыми наши глубокие отношения. *Пережили самые глубокие испытания, которые ставит в человеческих отношениях социальный современный строй* (курсив мой. – В. В.). Дружба и любовь сохранились и при совершенно разном понимании положения человека в окружающем <мире>. Иван <И. М. Гревс> – верующий христианин, Маша <М. С. Гревс> – бессознательно верующая язычница, Наташа <Н. Е. Вернадская> – жизненно принимающая жизнь, как рок, ведущий к добру, я – скептик ко всяким философским и религиозным построениям ... (Он же 2010: 192).

Свободу научной мысли ученый также всегда рассматривал как высшую ценность. *Дневник за 17 июля 1940 г.* Санаторий Узкое. «15 июля вышли мои “Биогеохимические очерки”. Эта книга имеет свою историю, которая ярко рисует пренебрежение к свободе мысли в нашей стране. Если это не изменится, то это грозит печальными последствиями, так как (не соблюдаются) принципы высоких идеалов гуманизма, равенства всех, демократии, признания силы научного знания, науки, а не религии (причем большевики – ошибочно – не отделяют философию от науки). Эта книга была отпечатана и должна была выйти в 1930 (году) под заглавием “Живое вещество”. Начал я ее подготовку в 1928 или 1929 г.» (Там же: 107).

Основные труды, дневники, письма, записки В. И. Вернадского раскрывают великий нравственный и футурологический потенциал науки и системы образования.

Итоги биография и творческого наследия В. И. Вернадского в том, что он:

1) открыл ноосферный метод и уровень понимания социальной роли, творческой миссии Личности в планетарном сообществе, институтах власти и управления территориями государства;

2) открывая новые направления наук, знаний, сформировал ядро наук о Земле;

3) подвижнической деятельностью гражданина показал, что научные знания должны реализовываться во благо человечества, а не для самоуничтожения человека, среды его жизни;

4) в концепции эволюции биосферы в ноосферу выразил прогностический потенциал этноэкологической безопасности нынешних и жизнеспособность будущих поколений планеты.

Актуальность его фундаментальных работ о биосфере, концепции эволюции биосферы в ноосферу, по сути, признана в Докладе экспертов ООН к Саммиту по устойчивому развитию (Бразилия, Рио-де-Жанейро, 18–23 июня 2012 г.) «Жизнеспособная планета жизнеспособных людей: будущее, которое мы выбираем». Юбилей ученого включен ЮНЕСКО в памятные даты на 2013 г.

В своей программной статье «Биосфера и ноосфера» академик В. И. Вернадский впервые прогностически уверенно и в тесной связи с современными ему социальными макропроцессами изложил выводы, актуальность которых для России и человечества нарастает с каждым годом:

«Исторический процесс на наших глазах коренным образом меняется. Впервые в истории человечества интересы народных масс – всех и каждого – и свободной мысли личности определяют жизнь человечества, являются мерилем его представлений о справедливости. Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть “ноосфера”. ...Приняв установленную мною биогеохимическую основу биосферы за исходное, французский математик и философ бергсонианец Э. Ле Руа в своих лекциях в Коллеж де Франс в Париже ввел в 1927 г. понятие “ноосферы” как современной стадии, геологически переживаемой биосферой. Он подчеркивал, что пришел к такому представлению вместе со своим другом, крупнейшим геологом и палеонтологом Тейяром де Шарденом, работающим в Китае.

Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни,

перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие творческие возможности. И может быть, поколение моей внучки уже приблизится к их расцвету» (Вернадский 2003: 479–480).

Внимательное «прочтение» этапов жизни В. И. Вернадского в переломные события России и государств планеты в конце XIX и первой половины XX вв. позволяет понять не только творческий подвиг Ученого и Гражданина, а и увидеть ноосферную природу (роль) Человека разумного институционального в биосфере. Открытие читателем судьбы академика Вернадского поможет, как надеется автор этой статьи, ориентироваться в глобальных проблемах XXI в., мудрее использовать блага, упреждая угрозы основам бытия.

Итоги жизни

12 марта 1943 г. академику В. И. Вернадскому исполнилось 80 лет. За многолетние выдающиеся достижения в науке и технике ему присудили Государственную премию I степени и наградили его орденом Трудового Красного Знамени. Созданную им биогеохимическую лабораторию реорганизовали в Лабораторию геохимических проблем, присвоив ей его имя. В приветствии Президиума АН СССР отмечалось: «Ваше научное творчество охватывает почти целую Академию: кристаллограф, минералог, почвовед, химик, биолог, историк науки – Вы в каждой из этих дисциплин создали нечто новое, своеобразное, возбуждающее пытливість исследователя.

Мы преклоняемся перед Вашим непоколебимым оптимизмом. В самые тяжелые дни Отечественной войны Вы, Владимир Иванович, утверждали, что в XX в. проповедующий дикие идеи средневековья никогда не может иметь успеха, что фашизм обречен на гибель, что разум, добро и справедливость должны победить и восторжествовать. И в эту зиму предвидение Ваше начало осуществляться. Будем, как и Вы, Владимир Иванович, верить, что с уничтожением фашизма человечество начнет жить в ноосфере, в области разума» (Он же 2007: 28).

Получив юбилейные поздравления И. В. Сталина, в ответ ученый пишет: «Наше дело правое и сейчас **стихийно совпадает с наступлением ноосферы** – нового состояния области жизни, биосферы – основы исторического процесса, когда ум человека становится огромной геологической силой» (Он же 1993: 271–272). Академик отправил в «Правду» и Верховному главнокомандующему статью «Что и зачем нам нужно знать о ноосфере» (Там же: 271) и вторую телеграмму: «Боровое, 27.VII.1943. Дорогой Иосиф Виссарионович! Посылаю вам текст моей статьи, которую я послал в редакцию Правды одновременно с этим и которую было бы полезно поместить в газете в виду того, что я указываю на природный

стихийный процесс, который обеспечивает нашу конечную победу в этой мировой войне. В телеграмме, которую я послал Вам, передав в пользу Красной Армии половину премии Вашего имени, мной полученной, я указываю на значение ноосферы. С глубоким уважением и преданностью. В. Вернадский. Посылаю Вам статью, так как не знаю, будет ли она опубликована».

В дневнике (9.IV.1943. Пятница, Боровое) он отмечает: «Сегодня послал телеграмму Сталину о том, что я жертвую 100 000 руб[лей] из премии его имени, передаю ему нужд обороны [1] и *говорю о ноосфере*. Интересно, будет ли ответ. Это *первое широкое высказывание о ноосфере в реальной обстановке* (выделено мною. – В. В.).

Я думаю, что будет напечатано широко. Посмотрим» (Вернадский 2010: 428).

Статья «Что и зачем нам нужно знать о ноосфере» в редакции дали название мировоззренчески и социально нейтральное «Несколько слов о ноосфере»; ее опубликовали в журнале «Новости биологической науки» в 1944 г. Развернутый очерк «Биосфера и ноосфера» (в переводе сына Георгия Вернадского, профессора Йельского университета) опубликовал американский журнал *American Scientist* (1945. Vol. 33, Num 1. Pp. 1–12, portr.). Редактор журнала отметил в предисловии, что публикация «*характеризует научное мировоззрение одного из самых выдающихся ученых нашего столетия в самой обобщенной форме* (выделено мною. – В. В.)». На фронтисписе поместили портрет ученого с цитатой из его письма профессору А. Петрункевичу: «Я смотрю вперед очень оптимистично. Думаю, что мы переживаем не только исторический перелом, но и планетный. Мы живем при переходе в ноосферу. Сердечный привет. В. Вернадский»¹ (см.: Он же 2003: 139–150).

Кристаллизация идей о ноосфере (сфере духовно и нравственно разумной жизни этносов планеты) произошла у Вернадского *вместе с победами над фашизмом*. Комментируя публикации в ноябрьских газетах 1942 г. («Правда» от 10.XI.1942: «"День Сталинграда" в Нью-Йорке» и «"Неделя Сталинграда" в Трентоне» [шт. Нью-Джерси, США]), он пишет: «*Эти две вырезки выявляют значение Сталинграда, и мне кажется, подчеркивают историческое значение нашей революции. Я теперь думаю, что победа кадет[ской] <партии> – если бы она была – не дала бы России то, что дала победа большевиков. К ноосфере приблизила только эта последняя. 18.XI.1942. Боровое*» (Там же: 375; выделено мною. – В. В.).

27.XII.1942 г. он писал: «... Живу в мире перемен. Начало ноосферы. Это доступно. Какой переворот пережит. Чувство единства всего человечества» (с. 288).

¹ В примечании к статье сообщалось о кончине ученого 6 января 1945 г.

Этапы жизни Личности: восхождение к ноосферной миссии гражданина

В семье Ивана Васильевича Вернадского (1821–1884), профессора политической экономии, и Анны Петровны (1837–1898) сын, названный Владимиром, родился в Петербурге 12 марта 1863 г. Это были первые годы отмены крепостного права, а политэконом Вернадский среди сторонников реформ был известен критикой несправедливых условий освобождения крестьян (капитализации оброка), полемикой с Н. Г. Чернышевским по вопросам общины.

В 1868 г. семья Вернадских переехала в Харьков, где в 1873 г. Володя поступил в гимназию. В 1876 г. Вернадские вернулись в Петербург; их сын окончил гимназию и в 1881 г. поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. После окончания курса (1885 г.) его оставили в университете для подготовки к профессорскому званию. Пять лет он проработал хранителем Минералогического кабинета Петербургского общества естествоиспытателей, погружаясь в недра науки, системы образования и общественной жизни. Углубленная работа его мысли началась рано и особенно ярко проявлялась в отношениях с близкими, друзьями, коллегами, в научных исследованиях. Вот как писал выпускник естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета невесте и будущей жене:

«С-Петербург, май, 29, 1886: ...Скоро 24 года, как я живу на свете и почти ничего нет такого, что сделал я и что принесло кому-нибудь более или менее видную пользу; все это время было временем подготовки, и только теперь начинается сама жизнь, и только теперь может определиться, упала ли подготовка на хорошую почву или пропадет даром...» (Вернадский 1988б: 14–19).

«...Знаешь, нет ничего сильнее желания познания, силы сомнения; знаешь, когда при знании фактов приходишь до вопросов “почему, отчего”, их непременно надо разъяснить, разъяснить во что бы то ни стало, найти решение их, каково бы оно ни было. И это искание, это стремление есть основа всякой ученой деятельности; это только позволит не сделаться какой-нибудь ученой крысой, роющейся среди всякого книжного хлама и сора; это только заставляет вполне **жить, страдать и радоваться** среди ученых работ, среди ученых вопросов; *ищешь правды, и я вполне чувствую, что могу умереть, могу сгореть, ища ее, но мне важно найти и если не найти, то стремиться найти ее, эту правду, как бы горька, призрачна и скверна она ни была!*» (Там же: 106–107; выделено мною. – В. В.).

Владимир Иванович Вернадский и Наталья Егоровна Старицкая (1860–1943) поженились в сентябре 1886 г. В это время молодого ученого, проявившего активность в жизни университета, избрали действительным

членом Петербургского общества естествоиспытателей. Наталья Егоровна Старицкая была дочерью известного государственного деятеля, сенатора, юриста, участника реформ 80-х гг. Образованная девушка из замечательной демократически настроенной, дружной семьи, блиставшая знанием языков, она нашла свое призвание, посвятив жизнь мужу, разделяя драматические перипетии эпохи. Вместе они прожили более 56 лет, как заметил супруг после ее кончины, «душа в душу, мысль в мысль».

Слова академика АН СССР Л. С. Берга у могилы Натальи Егоровны Вернадской 5 февраля 1945 г. (Боровое, Казахская ССР): «Об усопшей у всех знавших ее было одинаковое мнение: это был святой человек – такой же, как и искренне любимый нами супруг ее, Владимир Иванович.... Если бы все люди были таковы, как эта пара, то не пришлось бы говорить о грешной Земле, и жизнь наша была бы легка. Моральный облик покойной будет всем нам утешением в нашей общей скорби» (см.: Вернадский 2010: 418).

В 1887 г. в семье Вернадских родился сын Георгий, в 1898 г. – дочь Нина. Рождение дочери совпало с защитой Владимиром Ивановичем докторской диссертации в Петербургском университете, избранием профессором Московского университета и членом Вольного экономического общества России. Дочь Нина уже в зрелые годы напишет о матери: «Когда я была моложе, я тоже не понимала, какую бесконечно важную роль она играла. Она была гением, его хранителем, его совестью и всецело разделяла все его увлечения. Были дни, когда жизнь его была в опасности, она всегда поддерживала твердость его духа. Она была совершенно необыкновенная женщина, громадной силы духа и любви».

В 1889 г. молодого и уже известного в геологии исследователя избирают членом Британской ассоциации наук, Французского минералогического общества. На Международной выставке в Париже он представлял монолитные срезы почвенной коллекции своего учителя В. В. Докучаева, создателя концепции генетического почвообразования на планете, естественно-научной теории почвоведения. Российские черноземы (понятие введено Докучаевым) на выставке были признаны «царем» почв Земли, а труды В. В. Докучаева по оценке генетической роли почв на планете органически вошли в основу биосферного естествознания его ученика.

В 1890 г. семья переехала в Москву. В. И. Вернадский был назначен хранителем Минералогического кабинета Московского университета, приват-доцентом, с 1891 г. профессором минералогии и кристаллографии; защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию («О группе силлиманита и роли глинозема в силикатах»). До 1893 г. вместе с В. В. Докучаевым исследовал почвы Полтавской губернии, многое делал для организации помощи голодающим крестьянам Тамбовской гу-

бернии. Его избрали гласным Моршанского уездного и Тамбовского губернского земских собраний. Практически в каждое расставание молодой ученый продолжал беседы с женой – их чувства и взаимопонимание углублялись.

1893 г. «Есть один факт развития Земли – это усиление сознания, хотя я допускаю, что, может быть, через миллион лет пойдет обратный процесс» (Письмо Н. Е. Вернадской. 1893 г.; цит. по: Вернадский 1993: 55).

1894 г. «Научное наблюдение и размышление есть наиболее полное и ясное проявление моего духа, и в это время все его стороны напряжены и в это время “сознание” бьет самым сильным темпом» (Письмо Н. Е. Вернадской. 1894 г.; цит. по: Там же: 79).

1894–1900 гг. вместили научные занятия, посещения минералогических музеев в Австро-Венгрии, Германии, Швейцарии, Франции, Дании, Голландии. Дома он проводил научно-геологические экскурсии в Тамбовской и Полтавской губерниях, по Уралу, Крыму, Керченскому и Таманскому полуостровам, Кавказу. Впервые в России ввел в учебную программу систематические минералогические экскурсии для студентов. Участвовал в работе сессии Международного геологического конгресса в Петербург и в Париже. В Петербургском университете защитил докторскую диссертацию («Явления скольжения кристаллического вещества», 1897 г.).

Углубление в исследование геологических процессов уплотняло научный поиск, гражданскую активность исследователя и педагога. В 1902–1903 гг. он подготовил и прочитал в Московском университете курс лекций по истории развития естественных наук. На основе лекции подготовил фундаментальную статью «О научном мировоззрении» (1902), которую можно считать **началом формирования интуитивно ноосферного подхода личности ученого к проблемам естествознания** (Он же 1988б):

«...Иногда приходится слышать, что роль философского мировоззрения и даже созидательная и живительная роль философии для человечества кончена и в будущем должна быть заменена наукой.

Но такое мнение само представляет не что иное, как отголосок одной из философских схем, и едва ли может выдержать пробу научной проверки. **Никогда не наблюдали мы до сих пор в истории человечества науки без философии и, изучая историю научного мышления, мы видим, что философские концепции и философские идеи входят как необходимый, всепроникающий науку элемент во все время ее существования.** Только в абстракции и в воображении, не отвечающем действительности, наука и научное мировоззрение могут довлеть сами по себе, развиваться помимо участия идей и понятий, разлитых в духовной среде, созданной иным путем. Говорить о необходимости исчезновения одной из сторон челове-

ской личности, о замене философии наукой, или наоборот, можно только в ненаучной абстракции» (стр. 413; выделено мною. – В. В.).

В XX в. В. И. Вернадский входил со сформировавшейся системой ценностей, глубоким пониманием гражданского служения отечеству, твердой позицией в науке. Тридцатилетним он писал жене (5 июля 1893 г.): «Меня все более занимает мысль – посвятить серьезно свои силы работе над историей развития науки. И хочется и колется: чувствую для этого недостаток образования, малые силы своего ума по сравнению со стоящей задачей. ...Меня завлекает мысль о возможности некоторых обобщений в этой области и о возможности этим историческим путем глубже проникнуть в понимание основ нашего мировоззрения, чем это достигается – путем ли философского анализа или другими отвлеченными способами. В начале перед изложением хода развития науки мне хочется разобрать некоторые отдельные вопросы, которые сами по себе важны – таковы вопросы о наследственности, о значении личности и уровня общества (политической жизни) для развития науки, о самих способах открытия научных истин (особенно любопытно изучить тех лиц, которые делали открытия задолго до их настоящего признания научного). Мне кажется, изучая открытия в области науки, делаемые независимо разными людьми при разной обстановке, возможно глубже проникнуть в законы развития сознания в мире» (Вернадский 1994: 52; выделено мною. – В. В.).

Поставленную перед собой задачу он начал реализовывать статьей «О научном мировоззрении» (первая публикация в журнале «Вопросы философии и психологии», 1902, № 65). В Боровском дневнике (22.III.1943) автор вспоминал: «...Это время моего большого философского синтеза» (Он же 2010: 225). В статье «О научном мировоззрении» (Он же 1991) он писал:

«В прошлые эпохи исторической жизни научное мировоззрение занимало разное место в сознании человека, временно отходит на далекий план, иногда вновь занимает господствующее положение. В последние 5–6 столетий наблюдается неуклонно идущее, все усиливающееся его значение в сознании и в жизни культурной и образованной части человечества, быстрый и живой прогресс в его построениях и обобщениях. В отдельных крупных явлениях уже достигнута научная истина, в других мы ясно к ней приближаемся, видим зарю ее зарождения.

Под влиянием таких успехов, идущих непрерывно в течение многих поколений, начинает все более укореняться убеждение в тождественности научного мировоззрения с научной истиной. Эта уверенность быстро разбивается изучением его истории» (Он же 2010: 198; выделено мною. – В. В.).

Фундаментальное подтверждение *тождественности научного мировоззрения и научной истины* В. И. Вернадский нашел в творческом

подвижничестве М. В. Ломоносова (1711–1765) по развитию, укреплению науки, системы образования в Российском государстве. Вернадский входил в комиссию по празднованию 200-летия первого русского академика. В работе «Общественное значение Ломоносовского дня» (1911 г.) он писал:

«Сегодня, в 200-летнюю годовщину рождения М. В. Ломоносова, мне хочется остановить внимание русского общества на этой идущей в его среде работе – на живом значении личности М. В. Ломоносова для нас через 146 лет после его смерти. ... в Ломоносове мы имеем создателя русского научного языка: едва ли мы до сих пор достаточно полно оцениваем все, чем мы ему в этом отношении обязаны. Этот язык, которым мы пишем и мыслим, выковывался М. В. Ломоносовым, прозревающим в своих научных концепциях научные поколения и века...»

Тысячью неуловимых нитей каждый из нас связан с окружающим нас обществом; по тысячам путей проникает влияние нашей мысли и наших писаний, и только отдаленный, искаженный, неполный отголосок его могут представить нашему сознанию самые тщательные биографические изыскания (курсив мой. – В. В.).»

Ломоносов был плоть от плоти русского общества, его творческая мысль проникала – сознательно или бессознательно – бесчисленными путями современную ему русскую жизнь. ...Национальное самосознание выросло и строилось внутренней культурной перестройкой общества – созданием новой русской литературы, поэзии, театра, музыки, искусства, науки, религиозной жизни, расширением образования и технических навыков.

В этом росте национального самосознания рост научной мысли и научного творчества занимает особое место. Ибо из всех форм культурной жизни только наука является единым созданием человечества, не может иметь яркого национального облика и одновременно существовать в нескольких различных формах.

Научная работа в русском обществе началась иностранцами. Их благородную деятельность – переноса к нам научной культуры Запада – мы не должны забывать. Но эти иностранцы быстро слились с русским обществом в одно целое, ибо русское общество сразу выдвинуло из своей среды равных с ними или даже более одаренных, чем они, научных работников» (Вернадский 1988а: 59–60).

Политическая деятельность

В 1903 г. Вернадский вместе с П. Б. Струве, Н. А. Бердяевым, С. Л. Франком, С. Н. Булгаковым, С. Н. Трубецким, П. И. Новгородцевым, И. И. Петрункевичем, Д. И. Шаховским, С. Ф. Ольденбургом и другими учредил «Союз Освобождения»; их идеи стали основой конституционно-демо-

кратической партии (партии народной свободы). Социально-политическое соединение научной и гражданской активности позволило ученому выйти на понимание творческой свободы личности, общеобязательного развития, применения в институтах общества наук, знаний и образования поколений – основной производительной силы общества.

В конце жизни (28.XII.1942, утро) он объясняет, почему вступил в партию конституционных демократов (партию народной свободы): **«Свобода мысли – основа всего. Стал кадетом, т[ак] к[ак], с одной стороны, – незаметно, жизненно через Братство, «Союз освобождения», земская дружеская среда. Из этих корней выросла моя партийность к[онституционно]-д[емократическая] – незаметно бытовым путем. Но сознательно – это из больших социально-политических течений <была> единственная партия, которая стояла за максимальную свободу мысли...»** (Вернадский 1988a: 291; выделено мною. – В. В.).

В 1905 г. профессор Вернадский избирается помощником ректора Московского университета и членом Всероссийской лиги просвещения, принимает участие в создании конституционно-демократической партии (партии народной свободы), войдя в ее Центральный Комитет. Ядро партии составила научная и демократическая элита Российского государства. В 1906 г. его избирают в Академию наук адъюнктом по минералогии, а также членом Государственного Совета от университетской курии. В знак протеста против роспуска I Государственной Думы вышел из Госсовета. В 1907 г. новое избрание в Государственный совет – теперь от Академии наук. В эти же годы начал работу в области геохимии; будучи заведующим минералогическим отделением геологического музея Академии наук, организовал первые на территории России поиски радиоактивных минералов.

В 1908 г. Вернадского избрали экстраординарным академиком; по научным делам он ездил во Францию и Англию, участвовал в работе съезда Британской академии наук. После возвращения из Европы принимал участие в работе XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей (Москва), выступил с докладом «Парагенезис химических элементов в земной коре». Его записка «О необходимости исследования радиоактивных минералов Российской империи» и доклад «Задачи дня в области радия» стали основой создания Радиевой комиссии.

Еще в 1911 г. он сделал вывод: **«Только тот народ может сейчас выжить свободным и сильным в мировой жизни, который является творческим народом в научной работе человечества»** (Там же: 60; выделено мною. – В. В.). По его оценке, главные естественные производительные силы – «духовные силы человечества, – его мысль, его воля, и его нравст-

венные силы – несомненно являются основным, определяющим условием национального богатства» (цит. по: Вернадский 1993: 103).

«Наука остается во власти политических экспериментов»

В 1911 г. в творческом развитии Вернадского произошло событие, подтвердившее его гражданское мужество и верность избранному пути. В знак протеста против полицейского вмешательства власти в систему образования и науку он в числе известных в России и за рубежом ученых ушел из Московского университета. Семья вернулась в Петербург, и Владимир Иванович возглавил экспедицию по изучению радиоактивных минералов в Закавказье, Средней Азии, на Урале. В 1912 г. он организовал минералогическую лабораторию. В том же году его избрали ординарным академиком. Через год – поездка в Канаду (на XIII Геологический конгресс), путешествие по Америке. По возвращении его назначают директором геологического и минералогического музея Академии наук. Понимая планетарную роль научного творчества и научной деятельности, В. И. Вернадский добился создания в академии наук Комиссии по изучению естественных производительных сил (1915 г., КЕПС), был избран ее председателем. Комиссия поставила на службу народу производительные силы природы. Во фрагменте «Вопрос о естественных производительных силах в России с XVIII по XX век» он писал (1921–1923):

«Богатство страны или народа может быть разложено на две хотя и связанные, но во многом независимые друг от друга части: 1) силы природы той территории, которая находится в распоряжении страны, и 2) силы народа, который эту территорию занимает. Естественные производительные силы страны – это потенциальная энергия, использованная или неиспользованная данной страной или данным народом, которая определяет его возможные действия... Духовные силы человечества – его мысль, его воля, его нравственная сила, – несомненно, являются основным, определяющим условием национального богатства. Обладая ими, народ в сложных условиях исторической жизни приобретет и добудет себе необходимые для их проявления силы природы» (Он же 1988: 337; курсив мой. – В. В.).

Анализируя «империалистические угрозы кровавого применения научных завоеваний» народам и государствам (1914–1915 гг.), он обосновал стратегическую роль «охранительной и защитительной силы научного творчества», «которая должна быть выдвинута на первое место, чтобы не довести человечество до самоистребления» (Он же 2003: 545–546).

«Но у нас наука находится в полной власти политических экспериментов, и, например, история нашей высшей школы вся написана в этом смысле страдальческими письмами. Русское общество, без различия

партий, должно понять, что наука, как национальное благо, должна стоять выше партий. <...> Отсутствие этого сознания и понимания представляет главную причину, почему в борьбе за политические цели дня не охраняются у нас вечные интересы научной мысли, почему, с другой стороны, так бедно, позорно бедно обставлена научная деятельность в России и так жалки в этом отношении условия, в которых приходится работать русским ученым» (Вернадский 1988г: 337; курсив мой. – В. В.).

В статье «Задачи науки в связи с государственной политикой в России» (июнь 1917 г.) Вернадский (член Госсовета и Временного правительства) делает политико-экономические обобщения, выражающие прогнозистический потенциал науки, системы образования и просвещения, пренебрежение которыми резко снижает жизнеспособность государства:

«Революция не должна привести к распаду России. Многие не принимают в расчет, что есть общность более могучая, чем государственность, – есть научное единство территории. Сохранение единого государства и национальное возрождение – не противоречат друг другу, если решаются научным путем...» (курсив мой. – В. В.). Наука больше всего способствует международному пониманию. Ненасильственно и самым прочным способом она связывает людей и народы. Она выявляет огромные преимущества страны-континента. Пока мы этим преимуществом не пользуемся» (Аксенов 2001: 201). «Это время придет тогда, когда наша политика будет определяться волей всех нас, то есть волей народа... Огромная сплошная территория, добытая кровью и страданиями нашей истории, должна нами охраняться, как общечеловеческое достояние, делающее более доступным, более исполнимым наступление единой мировой организации человечества» (Там же; курсив мой. – В. В.)

В числе четырех авторитетных членов Госсовета В. И. Вернадский отправил телеграмму царю о необходимости отречения (март 1917 г.). После Февральской революции его избрали членом ученого совета Министерства земледелия, назначили Председателем Комиссии по учебным учреждениям и научным предприятиям Министерства народного просвещения. Он считал: «Организация научной творческой работы является основной задачей государства. Организация распределения богатств является второстепенной перед организацией их интенсивного и быстрого создания. Ибо самое правильное, самое равномерное распределение, самое коммунистическое не даст ничего серьезного и прочного, если нет в достаточной мере того, что надо распределять: без науки его не создаст ни труд, ни любая форма организации жизни» (Вернадский 1988а: 340–341).

Октябрьская революция 1917 сломала уклад жизни всех слоев и условий Российской империи, но «не отменила» поиски ученого. Даже в жерле гражданской войны он продолжил исследования, сосредоточив

внимание на изучении биогеохимической функции живого вещества. Полнее всего о предреволюционном и революционном периоде говорят его дневники, в которые он вносил наиболее важные мысли и оценки событий.

В «Пережитом и передуманном» Вернадский писал: «1918 г. 6 марта. Полтава. Работал очень хорошо над живым веществом. Много появляется новых идей и понимания природы. Эта работа мешает мне отдаться публицистической деятельности и обдумыванию и выяснению происходящего. А между тем она дает мне силы, и в то же время она сама есть творческий акт. Как ни подвергаю самокритике свою работу, – все же в таком виде, мне кажется, природу никто не охватывал» (Вернадский 2007: 63).

16 марта 1918 года (Полтава). «...Сейчас катастрофа наступила так неожиданно, что не понимают окружающие, что расчленение, может быть, временное, России произошло. *Правы большевики – идет борьба между капитализмом и социализмом. Лучшие ли социализм капитализма? Что он может дать народным массам? Социализм неизбежно является врагом свободы, культуры, свободы духа, науки.* <...> *Надо в корне разобраться и основы и идеалы социализма. Они не научны. Они противоречат свободе человеческой личности...*» (Он же 1993: 204–205; выделено мною. – В. В.).

19 мая 1918 г. В. И. Вернадский по приглашению группы украинских ученых во главе с историком Н. П. Василенко приехал в Киев для организации Академии наук. Ранее, в качестве члена Госсовета и во Временном правительстве он занимался усовершенствованием академических учреждений, системы высшего образования в России, знал опыт зарубежных академий.

Вернемся к «Пережитому и передуманному»: «4 июня 1918. Киев. У меня такое чувство, что надо отдать силы жизни всей не только организационной работе и планам, но творческой в самом подлинном смысле, созданию духовных ценностей, исходящих от человеческой личности, а не от тех или иных форм государственной или общественной жизни. В отличие от моего обычного настроения мне хочется раскрыть свою личность, свои мысли, свои знания, все духовное содержание моей природы до конца, в полной силе, а не сдерживать и ограничивать ее проявления, как это было раньше» (Он же 2007: 64).

«27 февраля. 1920 г. Ялта, Горная щель. Я ясно сознаю, что сделал много меньше, чем мог. ...Подошла старость, и я оценивал свою работу как работу среднего ученого с отдельными выходящими за его время недоконченными мыслями и начинаниями. Эта оценка за последние месяцы претерпела коренное изменение. Я ясно стал сознавать, что мне суждено

сказать человечеству новое в том учении о живом веществе, которое я создаю, и что это есть мое призвание, моя обязанность, наложенная на меня, которую я должен проводить в жизнь, – как пророк, чувствующий внутри себя голос, призывающий его к деятельности. Я чувствовал в себе демона Сократа. Сейчас я сознаю, что учение может оказать такое же влияние, как и книга Дарвина, и в таком случае я, нисколько не меняясь в своей сущности, попадаю в первые ряды мировых ученых. ... Любопытно сознание, что в моей работе над живым веществом я создал новое учение и что оно представляет другую сторону, другой аспект эволюционного учения, стало мне ясно только после моей болезни, теперь» (Вернадский 2007: 67–68).

Перелом в научном мировоззрении Вернадского, его взгляде на общественные процессы как геологический субстрат формировался накануне и во время Гражданской войны, особенно после тяжелой и продолжительной болезни, «державшей» его на грани жизни и смерти.

В октябре 1920 г. Вернадского избрали ректором Таврического университета (Симферополь); на кооперативных курсах по изучению естественных производительных сил Крыма он говорит «о роли человечества, его сознания и воли для жизни природы» (Он же 1988г: 67).

На следующий год Вернадские возвращаются в Петроград, и Владимир Иванович снова включается в деятельность академии наук. Он принимает участие в образовании в Москве Радиевого института. В это же время его избирают профессором минералогии Парижского университета (Сорбонна) и вскоре (1922 г.) приглашают во Францию для чтения курса лекций по геохимии в Сорбонне. Поездки Вернадского во Францию на разных этапах биографии (1875, 1888, 1889, 1900, 1922–1925, 1932, 1933, 1935, 1936), работа в Сорбонне занимают особое место в исследовании функций живого вещества в биосфере, создании учения о биосфере, подготовке последующего обоснования концепции эволюции биосферы в ноосферу. В парижской командировке он создает работу «Живое вещество» (1922 г.), статью «Автотрофность человечества» (1925 г.), а венчает французский этап жизни ученого книга «Биосфера» (1926 г.).

С первых лет работы с новой властью ученый остро ощущал противоречия между коммунистическими идеями и политической практикой их реализации в институтах государства. Ученый и футуролог считал, что будущее должно принадлежать людям науки: «Нет идеи, нет научной мысли, нет научной работы, научного открытия без человеческой личности» (Там же: 334). В работе «Научная мысль и научная работа как геологическая сила в биосфере» (1937–1938 гг.) показана роль научных знаний в социально справедливом жизнеустройстве государства, всеобщая ответственность их учета в создании благ, упреждении угроз опасности: «Взрыв на-

учного творчества происходит и частью, в определенной мере создает переход биосферы в ноосферу. Но, помимо этого, сам человек и в его индивидуальном, и в его социальном проявлении теснейшим образом закономерно, материально-энергетически связан с биосферой; эта связь никогда не прерывается, пока человек существует, и ничем существенным не отличается от других биосферных явлений» (Вернадский 1988б: 46).

«Вот пришло живое вещество...», или истоки учения о биосфере

Возвратившись в Ленинград, Вернадский для продолжения исследований организует в системе КЕПС Отдел живого вещества – ядро будущей Биогеохимической лаборатории. Приведем свидетельства П. К. Казаковой (с 1909 г. она вела хозяйство в их семье) о работе ученого: «Работала больше молодежь, собирали разные растения для анализа. Когда они приходили, мы говорили: “Вот пришло живое вещество”, или говорили: “Вот пришли метеориты”, так как В. И. одновременно организовал и Комиссию по метеоритам» (Бюллетень... 2012: 134).

В 1931 г. Комиссию по естественным производительным силам (КЕПС) реорганизовывают в Совет по производительным силам (СОПС). Бессменный председатель разросшейся до системы институтов академической структуры, поддерживая перестройку, пишет брошюру «О задачах СОПСа», но уходит с поста председателя. В конце года он читает в Общем собрании Академии наук в Ленинграде доклад «Проблема времени в современной науке». Он вспомнит об этом событии в 1942 г.: «Речь была очень длинная, но, кажется мне, и теперь заслуживающая внимания. Перечитав через 10 лет, могу больше оценить ее значение». В. И. цитирует доклад и статью под тем же заглавием, опубликованную тогда же в «Известиях АН»: «“Мы переживаем не кризис, волнуящий слабые души, а величайший перелом в жизни человечества, совершающийся раз в тысячелетия, переживаем научные достижения, равных которым не видели долгие поколения наших предков. Может быть, нечто подобное было в эпоху зарождения элементов научной мысли за 6000 лет до нашей эры. Мы только начинаем сознавать непреодолимую мощь свободной научной мысли, величайшей творческой силы homo sapiens, человеческой свободной личности, величайшего нам известного проявления космической силы, царство которого впереди. Оно этим путем негаданно быстро к нам приближается”. Здесь скрытно – я впервые подошел к понятию о ноосфере (Леруа и Тейяр де Шарден это понятие правильно создали)» (см.: Вернадский 1988г: 75).

Обратим внимание: создатель учения о биосфере (1926 г.) «открыл» понимание «непреодолимой мощи свободной научной мысли, величай-

шей творческой силы homo sapiens, человеческой свободной личности, величайшего нам известного проявления космической силы» мысли в поколениях человечества как **феномена ноосферы** до введения Э. Леруа **научного термина ноосферы** при определении задач Комиссии по истории знаний. Сравним понимание ноосферы Эдуардом Леруа (1870–1954), который в Сорбонне участвовал в семинарах Вернадского, знал его работы о живом веществе и биосфере: «Если мы хотим включить Человека во всеобщую историю Жизни, не искажая его роли и не дезорганизуя ее, то совершенно необходимо поместить Человека на самом верху предшествующей пирамиды в положении, в котором он над ней господствует, но не вырывать его из нее; и это сводится к тому представлению, что биосфера животная последовательно продолжается в человеческой сфере, сфере разума, мысли, свободного и сознательного творчества, собственно мышления, короче: сфере сознания или ноосфере» (Леруа Э. «Происхождение человечества и эволюция разума», 1928 г.; цит. по: Вернадский 1993: 656).

«Предчувствие» сферы разума поколений в природной и социальной реальности бытия личности в семье человечества у Вернадского возникло в гражданскую войну, когда он продолжал исследование живого вещества, еще до возникновения **понятия о сфере разума, мысли, сфере сознания** или **ноосфере**, и во время тяжелой болезни (зима 1920 г.), когда он провидчески ясно увидел свое творческое и научное будущее. Обратимся к дневникам.

Осень 1919 г. «Среди зоологических украинских и великорусских инстинктов хочется уйти во что-то такое вечное, что стоит этого и с чем я соприкасаюсь в творческой научной работе. Сейчас я как-то ясно чувствую, что то, что я сейчас делаю своей геохимией и живым веществом, есть ценное и большое. И готов прямо утверждать, что, если не оценят современники, оценит потомство. Сейчас я чувствую, *когда я опираюсь на самого себя, что я как бы углубляюсь в какую-то глубь, в какую-то бесконечность и этим путем нахожу такую опору в своих решениях в окружающей жизни – на поверхности, какой не ожидал.* Точно в окружающей меня бурной стихии я сижу на прочной и недвижимой скале» (Там же: 128; курсив мой. – В. В.).

28.II–12.III.1920. «...Главную часть моих мечтаний составляло, однако, мое построение моей научной жизни как научного работника и, в частности, проведение в человечество новых идей и нужной научной работы в связи с учением о живом веществе. <...> Основной целью моей жизни рисовалось мне создание нового огромного института для изучения живого вещества и проведение его в жизнь, управление им. *Этот институт международный по своему характеру, т. е. по темам и составу ра-*

ботников, должен был являться типом тех новых могучих учреждений для научной исследовательской работы, которые в будущем должны совершенно изменить весь строй человеческой жизни, структуру человеческого общества...» (Вернадский 1988г: 114; курсив мой. – В. В.).

Понятие ноосферы ученый использовал впервые в начале 1937 г. 16 февраля, утро. «Днем общество Испытателей Природы – комиссия по истории науки. Мой доклад – довольно много народу. Интересно. Впервые публично о ноосфере. Как будто не понимается» (" " 1993: 235).

10.IX.1937 г. В. И. пишет академику А. Е. Ферсману (своему ученику): «Я чувствую себя умственно совершенно свежим и “молодым”, стараюсь не думать о моей книге, в частности, о ноосфере – хотя ясно вижу, что у меня идет глубокий подсознательный процесс, который неожиданно для меня вдруг вскрывается в отдельных заключениях, тезисах, представлениях».

В дневнике 1938 г. (26–28 мая) новый вывод: «Наука есть природное явление – активное выражение геологического проявления человечества, превращающего биосферу в ноосферу. Она в обязательной для всех форме выражает реальное соотношение между человеческим живым веществом – совокупностью жизни людей – и окружающей природой, в первую очередь ноосферой. Человек и его совокупность могут быть только мысленно из нее изъяты. Соотношение человек ↔ ноосфера неразделимо» (Он же 1988г: 81; курсив мой. – В. В.). Вернадский подчеркивал: “Взрыв” научной мысли в XX столетии подготовлен всем прошлым биосферы и имеет глубочайшие корни в ее строении. ...Ноосфера – биосфера, переработанная научной мыслью, подготовлявшаяся шедшим сотнями миллионов, может быть миллиарды лет, процессом, создавшим *Homo sapiens faber*², не есть кратковременное и преходящее геологическое явление» (Там же: 46; курсив мой. – В. В.).

В отличие от Леруа, для Вернадского ноосфера – это универсальное мировоззренческо-ценностное понятие о феномене, факторе, функции научной мысли Человека в биосфере планеты Земля. Ведь природа Земли – это среда реальной жизни социального вида *Homo sapiens*, среда мысли, деятельности Человека разумного умелого, житейски мудрого (*Homo sapiens faber*), осознающего самого себя в природе. Для него сфера мысли и социального труда, сфера разума *Homo sapiens faber* совпадают в понятии «ноосфера поколений Личностей, Граждан в отечествах человечества». Поэтому история наук, история знаний – это история развития «величайшей творческой силы *homo sapiens*, история бытия человеческой свободной личности, величайшего нам известного проявления космической силы» мысли поколений. В его понимании феномен научной мысли

² С латинского «человек разумный умелый».

социально, творчески свободной личности, собственно институты академии наук, потенциал знаний, система образования – это **структуры ноосферы**. Поэтому Вернадский – Человек, Личность, Гражданин России и Человечества – субъект ноосферы.

В 1939 г. Владимира Ивановича избирают членом трех отделений АН СССР (редкий в истории случай): геолого-географических, химических и физико-математических наук.

От академической хронологии обратимся к **учению Вернадского о биосфере, концепции эволюции биосферы в ноосферу**. В первом тезисе работы «Научная мысль и научная работа как геологическая сила в биосфере» (1938 г.) сделан фундаментальный вывод:

«1. Человек, как и все живое, не является самодовлеющим, независимым от окружающей среды природным объектом. Однако даже ученые-натуралисты в наше время, противопоставляя человека и живой организм вообще среде их жизни, очень нередко этого не учитывают. Но неразрывность живого организма с окружающей средой не может сейчас возбуждать сомнений у современного натуралиста. Биогеохимик из нее исходит и стремится точно и возможно глубоко понять, выразить и установить эту функциональную зависимость. Философы и современная философия в подавляющей мере не учитывают эту функциональную зависимость человека, как природного объекта, и человечества как природного явления, от среды жизни и мысли.

...Современный ученый, исходящий из признания реальности своего окружения, подлежащего его изучению мира – природы, космоса или мировой реальности – не может становиться на эту точку зрения как исходную для научной работы. Ибо он сейчас точно знает, что человек не находится на бесструктурной поверхности Земли, не находится в непосредственном соприкосновении с космическими просторами в бесструктурной природе, его закономерно не связывающей. Правда, нередко, по рутине и под влиянием философии это забывает даже вглубь проникающий современный натуралист, с этим в своем мышлении не считается и этого не отчеканивает.

Человек и человечество теснейшим образом прежде всего связаны с живым веществом, населяющим нашу планету, от которого они реально никаким физическим процессом не могут быть уединены. Это возможно только в мысли» (Вернадский 1988б: 20–21).

По Вернадскому ноосфера – это бытие живой мысли, научного творчества личностей в поколениях, как и биосфера – среда их жизни, мысли, деятельности.

Выводы Вернадского выражают *формулу ноосферного мышления и сознания поколений Человека, называющего себя разумным*. В ноосфер-

ном сознании, научных знаниях, образовании граждан выражено триединство мировоззренческого понимания ноосферной природы (функции), роли (статуса), миссии (значения) *Homo sapiens institutus* в биосфере Земли, определяющих цели упреждающего учета угроз, вызовов глобализации народам. На наш взгляд, это мировоззренчески, онтологически и прогностически важнейшее открытие ученого, которое должно быть востребовано в науке, образовании и управлении общества XXI в.

Поэтому девиз «**ноосферное мышление – мышление граждан XXI в.**» должен стать принципом и критерием распространения ноосферной миссии знаний на цели принятия решений в институтах власти общества.

XX век: открытие ноосферного потенциала России и глобального общества

Мы, поколения граждан человечества, «обязаны» Карлу Линнею (1707–1778) за то, что в классификации видов природы, населяющих планету, он назвал Человека – разумным (*Homo sapiens*, 1752 г.). Еще в начале глобализации естественнонаучного знания народов он в «царствах» природы поднял Человека до «уровня» Бога, выделив понимание статуса, функции, миссии его разума – то есть роли ума, интеллекта мыслящего вида биоразнообразия в сообществе планеты. Великая догадка натуралиста «подтвердилась» через полтора века понятием *ноосфера* (*сфера разума*, сфера интеллекта) живущих поколений совокупного человечества. И если самоназвание Человека разумным (*нооним Homo sapiens*) в науках принято, то *вокруг понятия ноосфера идет спор: можно ли считать Homo sapiens субъектом сферы разума в биосфере – потенциальным и/или реальным?*

Причем философский и мировоззренческий спор продолжается, даже в условиях резкого обострения глобальных угроз выживанию и поколениям Человека, называющего себя разумным, и бытию человеческой цивилизации в природе. Спор идет, несмотря на то, что Вернадский дал свой ответ: ноосфера – это биосфера, перерабатываемая мыслью и трудом человечества; человек и ноосфера – неразрывны.

Гражданским подвижничеством в истории В. И. Вернадский показал: *есть ноосферные Личности, а ноосферным человеку еще предстоит стать*. И для этого в обществе необходимо ноосферно ориентированное (экологичное и биосферосовместимое) образование граждан, формирующее ноосферное сознание Личности, выделяющее ноосферные ценности знаний, наук, образа жизни поколений. В научно-мировоззренческом смысле, социально-ценностном и прогностическом значении в *ноосферном статусе* Личности, Гражданина отечества академик Вернадский реализовал социально мудрую миссию Человека разумного институциональ-

ного в функции науки и образования. Личность, осознающая себя в реальностях бытия в природе, обществе и государстве является субъектом ноосферогенеза в этногенезе граждан разных стран (см.: Василенко 2012: 87–103).

Вернадский с опережением на несколько поколений показал: без усвоения гражданами учения о биосфере Земли, концепции эволюции биосферы в ноосферу у человечества нет будущего. Обратимся к «Пережитому и передуманному» за 1940 г., когда В. И. Вернадский пришел к фундаментальному выводу «*XX век – век ноосферы*» (Он же 2007: 109; выделено мною. – В. В.).

13 июня Владимир Иванович записывает в дневнике: «Вчера у меня ясно сложилось представление о **свободной мысли** как **основной геологической силе**... Развить в ноосфере» (Там же: 119; выделено мною. – В. В.). Ноосферное понимание цивилизации Вернадский выразил перед Второй мировой войной и в ее трудные дни. 16 июня 1941 г.: «Невольно мысль направляется к необходимости **свободы мысли**, как основной равноценной структуры социального строя, в котором личность не является распределителем орудий производства. Равенство всех без этого невозможно. Но оно и невозможно без свободы мысли... Надо пересмотреть с этой точки зрения Маркса: он ясно видел, что мысль человека создает производительную силу. Еще больше и глубоко это проявляется в ноосфере. Но для этого необходимо условие – свобода мысли» (Он же 1993: 238–239; выделено мною. – В. В.).

Июнь, 22. Объявление войны застает Вернадского в Узком. Он очень волнуется и постоянно слушает радио. Обратимся к «Хронологии»³ жизни и мысли ученого: «29.VI.1941 появилось в газетах *воззвание Академии наук* “К ученым всех стран”, которое и я подписал. Это первое воззвание, которое не содержит раболепного официального восхваления “вокруг своего правительства, вокруг Сталина”, говорится о фашизме, что “фашистский солдатский сапог угрожает задавить во всем мире яркий свет человечества – свободу человеческой мысли, право народов свободно развивать свою культуру”. Выдержано до конца. Подчеркнуто то, что отличает нашу диктатуру идеологически от немецкой и итальянской.

1 июля 1941 образован Госуд[арственный] комитет обороны из Сталина, Молотова, Ворошилова, Маленкова, Берия. В общем, ясно, что это идейная диктатура Сталина» (Он же 2010: 105).

Июль, 12. Владимир Иванович записывает: «Произошли события – может быть, исторический перелом в истории человечества... 9 июля мы

³ Академик В. И. Вернадский в последние годы жизни много внимания уделял приведению в порядок «Хронологии», внося в нее оценки наиболее важных событий своего времени.

приехали из Узкого, накануне нам дали знать, что Академия переезжает в Томск и мы должны решить, едем ли мы. Сомнений у нас не было, если только условия поездки были бы благоприятными и приемлемыми.

Я решил ехать и заниматься: 1) проблемами биогеохимии и 2) хроникой своей жизни и историей своих идей и действий, материал для автобиографии, которую, конечно, написать не смогу»⁴.

Июль, 15. Владимир Иванович выступает по радио с обращением к английским ученым «Объединенными усилиями покончим с гитлеризмом».

Июль, 16. Выезд из Москвы в Боровое, Казахстан. «Едем в совершенно исключительных условиях – в купе – мягком. Никогда не думал, что еще раз увижу Россию вне Москвы и ее окрестностей».

Верный себе, В. И. Вернадский ведет дневник и в дороге.

18 июля, пятница, <станция> Свеча. «Всю ночь стояли на разъезде после Шарьи – пропуска<ли> ряд воинских поездов с людьми и оборудованием военным. Идут с огромной скоростью на фронт, как прежние курьерские – отсюда танки и т[ому] п[одобное] с Урала. Свеча – 817 кил[ометров] от Москвы и 138 – от Вятки (Киров). Ужасно неприятное впечатление у меня от замены исторических названий городов – Горький (Нижний Новгород), Молотов (Пермь), Калинин (Тверь). Из них Пермь – наиболее древняя? Связанная с нерусской старой культурой. Едем в детском поезде. С нами на станции стоят еще два детских поезда – один из Ленинграда.

В общем, организовано хорошо.

Из академиков и членов-корр[еспондентов] едут с семьями: Зелинский, Борисяк, Мандельштам, Струмилин, Лейбензон, кажется, дочь Деборина.

Поражает полное отсутствие сведений о войне – с Москвы; даже в городах ничего не знают. Наши последние сведения из газет – 16.VII. Здесь меняют паровозы – простоим еще несколько часов. Наконец, в Свече достали вчерашнюю «Кировскую газету» от 17 июля – первое <известие> после Москвы. Плохая, бездарная информация – с этим приходится мириться. То же и в Наркоминделе. Серые люди. То же, что видишь кругом. *Партия – диктатор – вследствие внутренних раздоров умственно ослабела: ниже среднего уровня интеллигенции страны. В ней все растет число перестраховщиков, боящихся<ся> взять на себя малейшую ответственность»* (Вернадский 2010: 16–17; курсив мой. – В. В.).

Июль, 22. «Приехали на станцию Боровое 22 июля вечером. Ночевали в вагоне. Здесь познакомились с директором курорта доктором Орловой,

⁴ Вернадский подготовил для работы в эвакуации более 20 ящиков книг, но взять смог только самые необходимые.

которая произвела на нас очень хорошее впечатление. 23 июля выехали в санаторий на автобусах. Дорога была мучительна. Вчера уже на станции узнали о бомбардировке Москвы».

В пору затянувшегося пребывания в Боровом – глубоком тылу гигантского евразийского государства, – Вернадский свою идею «*XX век – век ноосферы*» начал соединять с реальностями великого противостояния народов СССР и государств мира наступлению фашизма. Из дневника взяты только обобщения, выражающие ноосферный анализ борьбы с фашизмом.

17.VIII.1941, воскресенье. «...Я по-прежнему считаю гибель гитлеровской Германии неизбежной и, вероятно, являюсь наибольшим оптимистом – благодаря сознанию ноосферы...» (Вернадский 2010: 39).

26.VIII.1941, утро, вторник. «Сегодня я ярко чувствую “мировой” стихийный процесс – зарождение в буре и грозе ноосферы. <...> чем больше вдумываюсь, тем яснее для меня становится впечатление, что немцы рухнут и великие демократические идеи избавят от временных нарастаний, таких как ГПУ, фактически разлагающих партию большевиков. Демократия – свобода мысли и свобода веры (которой лично я придаю не меньше значения, но которая как будто сейчас, может быть временно исторически, теряет свою силу в духовной жизни человека)» (Там же: 47).

6 октября. 1941, понедельник. «...Резкое падение уверенности в успешном конце войны. У меня этого нет – я считаю положение Германии безнадежным. А с другой стороны, для меня ноосфера – не фикция, не создание веры – а эмпирическое обобщение» (Там же: 53).

2.XI.1941. Воскресенье. «...Невольно мысль направляется на ближайшее будущее. Крупные неудачи нашей власти – результат ее ослабления культурного – средний уровень коммунистов и морально и интеллектуально, – ниже среднего уровня беспартийных. Он сильно понизился в последние годы – в тюрьмах, ссылке и казнены лучшие люди партии, делавшие революцию, и лучшие люди страны...

Цвет страны заслонен дельцами и лакеями-карьеристами» (Там же: 59).

4.XI.1941: «...Закончил вчера чтение Дарвина (“Происхождение видов”, академическое издание) – много мне дало для выяснения моего подхода к биогеох[имической] энергии и выяснения для себя моей математической концепции. Я как-то глубже и более “научно” понял то, что в 1925 г. у меня вылилось как интуиция. Все время мысль в этом направлении работает» (Там же: 60).

8.XI.1941. «...Память о Гитлере останется навсегда, как о человеке, сумевшем поставить задачи мирового господства одной расы и одного человека раньше ноосферы – единого царства *Homo sapiens*, созданного в результате геологического процесса» (Там же: 66; выделено мною. – В. В.).

Ноябрь, 13. Владимир Иванович пишет своей внучатой племяннице З. М. Супруновой: «Я в моей книге прихожу к заключению, что процесс эволюции человечества не есть случайное явление, а есть планетное явление, которое приводит в новое состояние области жизни, в том числе и человеческой – в ноосферу, – которая, как мне кажется, создается стихийно».

30.XII.1941, вторник. «...Я считаю математику как одно из основных орудий науки – <что> резко отличает <ее> от остальных наук и от философии. Это одно из основных проявлений биогеохимической функции человечества в ноосфере, отличного от философии и науки...» (Вернадский 2010: 66).

26.II.1942. Четверг, утро. «...Надо думать над будущим, над ноосферой – чтоб не застигло врасплох. Немцы не сдаются – но это героизм убийц и грабителей...»

2.V.1942. Письмо Е. Г. Ольденбург⁵: «... В своей книге я кончаю главой о Ноосфере, которую еще только обдумываю, о той разумной организации человечества (ноосфера – земная оболочка, регулируемая разумом), она, по-моему, неизбежно должна создаться примерно во времена внуков и правнуков».

27.XI.1942. «Готовлюсь к уходу из жизни. Никакого страха. Распадение на атомы и молекулы. Ясно для меня, что творческая научная мысль дошла до конца. Смогу кончить “Химическое строение биосферы и ее окружения” и, может быть, организовать – что было начал в 1940 г. – геохимическую карту Московской области на основе геологической карты. А затем моя “Хронология” разрослась незаметно.⁶ Записи охватили все былое. Правильно для меня написать “Воспоминания” на фоне истории моей личности и семьи.

Живу в мире перемен.

Начало ноосферы.

Какой переворот пережит!

⁵ Родственница академика С. Ф. Ольденбурга (1863–1934) – друга Вернадского со студенческих лет. С. Ф. Ольденбург – известный индолог; непреходящий секретарь Академии наук в 1904–1929 гг.

⁶ «Хронику большой жизни» (по запросу отдела кадров АН СССР) готовила его секретарь А. Д. Шаховская, а Владимир Иванович вносил туда уточнения. Дошли до 1901 года, а по возвращении в Москву (август 1943) Вернадский к записям уже не обращался. В их «Хронологии» накоплено более 1200 карточек, но в «Главнейших биографических датах» (Вернадский 1988²: 33–85) и «картотеке» жизни великого гражданина России и человечества еще предстоит выделить пример и опыт становления ноосферной личности в обществе, его служения отечеству. До сих пор, к сожалению, нет полного, доступного новым поколениям собрания сочинений В. И. Вернадского. Его архив считается самым объемным в фондах Российской академии наук. Но Комиссией РАН по его творческому наследию готовится к печати только 24 тома ограниченными тиражами. Неадекватно значению трудов Вернадского в процессах глобализации его творческое наследие представлено и в интернет-ресурсах.

Чувство единства всего человечества» (Вернадский 2010: 287–288; курсив мой. – В. В.).

Понедельник. 4.I.[1943]: «...Из непрерывной работы с июля 1941 в Боровом над моей книгой “Химич[еская] структура биосферы и ее окружения” я <вижу, что> очень сильно продвинул свою книгу – но для меня ясно стало, что в моем возрасте я поднял для себя почти непосильную задачу. Можно было довести ее до такого состояния относительной отделанности только благодаря уединению в Боровом, помощи секретаря и моему упорству. Но в 80 лет нельзя вести такую работу. Хотел бы довести ее до конца. Надеюсь, <что> добьюсь. Нужен еще год работы в лучших условиях библиотечных».

2.II.1943. Утро. Вторник: «...Вчера разобрался в диалектике⁷. <...> Но для меня ясно, что диалектика природы не может быть сравниваема с моим утверждением, что логика естествознания зависит от биосферы – есть логика понятий-вещей – научной работы человека...».

23.II.<1943> суббота: «... Два дня праздника и газет нет. Известия по радио показывают начало развала немцев. Будут изгнаны. Трудно охватить все последствия <войны>. Начало ноосферы. Это хочется изложить...»

Апрель, 1943. Письмо ученику А. М. Симорину (Вернадский 1988г: 82–83): «Я думаю, что эта книга (“Химическое строение биосферы Земли и ее окружения”) и отдельные экскурсы, с ней связанные, будут последними моими научными работами. Если мне суждено будет еще прожить, хотел бы написать еще “Пережитое и передуманное”. Я видел столько удивительных людей в разных странах, в частности, кроме России, во Франции, Англии, Бельгии, Австрии, Чехословакии, Швеции, Норвегии, Швейцарии, Италии, Голландии, Ирландии, Германии, в США, Дании, Финляндии, Польше, Греции, Румынии, Венгрии.

И я пережил сознательно такие мировые события, которые раньше никогда не бывали».

Вернувшись в Москву, «самый старый» академик АН СССР продолжает работать, делая новые обобщения о ноосфере. *30 декабря 1943 г.* Владимир Иванович пишет в дневнике: «Я весь под напором мыслей – над направленностью исторического процесса. Это вытекает из психозойской эры... Я очень глубоко сейчас углубляюсь в ноосферу и, кажется, эмпирически подхожу к реальному предвидению новых открытий науки – будущего человечества за одно-два поколения» (Вернадский 1988г: 84; выделено мною. – В. В.).

⁷ Речь идет о книге «Диалектика природы» Ф. Энгельса.

Тяжело переживая одиночество, В. И. Вернадский был намерен выехать к дочери и сыну в США. В связи с этим он пишет директору Московского Дома ученых (создан по инициативе А. М. Горького в 1934 г.) М. Ф. Андреевой (во время эвакуации она тоже жила в Боровом):

«26 января 1944 г. Дорогая Мария Федоровна, давным-давно пытался повидаться с Вами, думаю, что Вы – то же самое. <...> Сейчас мне очень нужен был бы Ваш совет. Весна приближается. Время идет страшно быстро, мне нужно хлопотать о поездке в Америку. Я не хочу ехать туда, чтобы сделаться американским гражданином, но я хочу кончить жизнь, отдав последние мои года внучке Танечке. Большую мою работу я могу закончить там. Лучше, чем здесь, где библиотеки страшно пострадали и находятся в хаосе.

Сейчас в Америке печатается одна из моих статей, переведенная моим сыном.

Я хочу сверх того, как советский гражданин, восстановить свои старые научные связи и налаживающиеся новые и *быть этим полезным своей стране*» (Он же 2010: 503; курсив мой. – В. В.).

Август, 11. Письмо сыну Георгию: «Я очень рад, что ты очень ярко и просто выразил мою мысль о ноосфере, как синтез природного и исторического процессов. Я очень бы был рад, если бы моя статья могла появиться на английском языке» (Статья Владимира Ивановича «Биосфера и ноосфера» была напечатана в США в журнале *American Scientist*, 1945, Vol. 33, Num. 1).

Ноябрь, 25. Вернадский пишет Б. Л. Личкову: «Посылаю Вам мою небольшую статью о ноосфере, которая меня очень задела. Она выйдет и на английском языке в переводе моего сына. Я смотрю вперед чрезвычайно оптимистично».

Декабрь 1944 г. оказался последним месяцем жизни, последними неделями ноосферного пульса мысли, мудрости великого философа, исследователя и гражданина планеты. Утром 25 декабря у Владимира Ивановича случилось кровоизлияние в мозг. Он утратил способность говорить и, хотя оставался в сознании, общение с ним не удавалось. Смерть наступила 6 января 1945 г. Гражданская панихида состоялась 8 января в Президиуме Академии наук СССР, похороны – на Новодевичьем кладбище Москвы. Живая мысль человечества потеряла созидателя ноосферы – первую ноосферную личность в поколениях этносов, осознавшую глобальную геологическую силу свободного творчества, планетную миссию гражданской мудрости разума в обществе. Мудрости, способной взять на себя ответственность за безопасность Человека в природе Земли.

«Хочется больше прожить в ноосфере», или Почему нынешняя модель глобального развития нерациональна

Мысль ноосферной Личности, способной прозревать будущее нынешних и будущих поколений глобального общества, остановилась за четыре месяца до Великой Победы. 13 апреля 1944 г. Владимир Иванович писал своей дочери Н. В. Вернадской-Толль: «Привожу в порядок архив и подготавливаю канву для “Пережитого и передуманного” <...> Хотелось бы эту работу закончить и *больше прожить в ноосфере*» (Вернадский 1989: 242; курсив мой. – В. В.). Используя ноосферный подход к анализу основ бытия народов в природном Доме человечества, ученый предсказал неотвратимость крушения фашизма в самом начале его кровавой авантюры. Главным геополитическим итогом Второй мировой войны стало создание Организации Объединенных Наций, призванной упреждать варварские методы в геополитике государств. Но обоснованный Вернадским ноосферный принцип демократии («демократия – это свобода мысли и свобода веры», 1941) не стал основой геополитических отношений государств в структурах ООН, вектором стратегии развития государств планеты. Опасность пренебрежения учением о биосфере, принципами концепции эволюции биосферы в ноосферу признана в Докладе группы высокого уровня при Генеральном секретаре ООН к очередной конференции по устойчивому развитию «Жизнеспособная планета жизнеспособных людей: будущее, которое мы выбираем»: пункт 8. Нынешняя модель глобального развития нерациональна (Рио-де-Жанейро, 15–23 июня 2012 г.). Но лидеры глобализации пренебрегают императивами этноэкологической безопасности нынешних и будущих поколений в государствах Земли.

Прошедшие после Вернадского годы показывают: его *углубление в ноосферу, эмпирический подход к реальному предвидению новых открытий науки – будущего человечества за одно-два поколения* выражает безальтернативность для судьбы России, вообще граждан глобального общества *императивов биосферного естествознания, планетарно-космического учения о биосфере, концепции эволюции биосферы в ноосферу*. С каждой новой юбилейной датой (100-летие, 125-летие, 130-летие, 140-летие, 145-летие, 150-летие) растет понимание фундаментального значения творческих достижений ученого, глубины и универсальности его выводов для упреждающего решения нынешних и будущих проблем этносов человечества.

В документах ООН последней трети XX в., в концепции перехода России к устойчивому развитию, экологической доктрине РФ признан

общий кризис цивилизации капитализма – космополитического мышления и способа взаимодействия общества с природой биосферы планеты. Но в политике государства довлеет «остаточный» подход к принятым актам ООН. Вызовы планетарного экологодемографического перехода и кризис депопуляции – это последствия пренебрежения в науке, в системе образования, в институтах власти и государственного управления основами учения о биосфере, эволюции биосферы в ноосферу, потому что стратегию взаимодействия общества с природой определяют интересы человека экономического, а не ноосферные ценности качества, мудрого образа жизни Граждан отечеств на планете.

12–14 марта 2013 г. в Санкт-Петербурге состоялась юбилейная Международная конференция «Вернадский В. И. и ноосферная парадигма развития общества, науки, культуры, образования и экономики в XXI веке». Ее организаторы – Ноосферная общественная академия наук, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Смольный институт Российской академии образования, Российская академия естественных наук, Европейская академия естественных наук, Петровская академия наук и искусств, Академия гуманитарных наук.

Важным итогом форума стало создание ассоциации «Открытый университет ноосферного образования». Ассоциация открыта для всех сторонников стратегически безальтернативной парадигмы науки и образования. Мировоззренческой основой новой ассоциации является императив «**Ноосферное мышление – мышление граждан XXI века**». 2013 – год академика В. И. Вернадского – должен стать новым этапом осознания и признания ноосферного подхода субъектов общества к природе планеты, распространения ноосферных критериев на анализ причин роста угроз, вызовов глобализации нынешним, будущим поколениям. По сути, речь идет о современном прочтении, понимании и использовании ноосферного потенциала наследия великого ученого XX в.

Овладение новыми поколениями основами мудрости, высшими ценностями знаний – это условие формирования ноосферного мышления и сознания граждан государств, залог их безопасности, устойчивого развития единой семьи человечества в природе Земли.

Библиография

- Аксенов Г. 2001. *Вернадский. Жизнь замечательных людей*. М.: Молодая гвардия.
- Бюллетень Комиссии РАН по разработке научного наследия академика В. И. Вернадского. 2012. Вып. 21. М.: НИИ-Природа.

- Василенко В. Н. 2012.** Ноосферизм XXI века: синтез этно- и биосферогенеза в эпоху глобализации. *Владимир Иванович Вернадский и Лев Николаевич Гумилев: великий синтез творческих наследий (коллективная научная монография)*. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова. СПб.
- Вернадский В. И. 1988а.** *Труды по истории науки в России*. М.: Наука.
- Вернадский В. И. 1988б.** *Философские мысли натуралиста*. М.: Наука.
- Вернадский В. И. 1988в.** *Письма Н. Е. Вернадской*. М.: Наука.
- Вернадский В. И. 1988г.** Материалы к биографии. *Прометей: историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей»*. Вып. 15 / Сост. Г. Аксенов; науч. ред. И. И. Мочалов. М.: Молодая гвардия.
- Вернадский В. И. 1989.** *Биосфера и ноосфера*. М.: Наука.
- Вернадский В. И. 1991.** *Научная мысль как планетное явление*. М.: Наука.
- Вернадский В. И. 1993.** *Открытия и судьбы. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков*. М.: Современник.
- Вернадский В. И. 2003.** *Биосфера и ноосфера*. М.: Айрис-пресс.
- Вернадский В. И. 2010.** *Дневники. Июль 1941 – август 1943*. М.: РОСПЭН.

Рекомендуемая литература

- Василенко В. Н., Иманов Г. М. 2010.** *Ноосферная футурология: уч. пособ.* СПб.: Лема.
- Вернадский В. И. 1965.** *Химическое строение биосферы Земли и ее окружения*. М.
- Вернадский В. И.** и ноосферная парадигма развития общества, науки, культуры, образования и экономики в XXI веке: коллект. монография. 2013 / Ред. А. И. Субетто, В. А. Шамахов: в 3 т. СПб.: Астерион.
- Владимир Иванович Вернадский.** 125-летию со дня рождения В. И. Вернадского посвящается. *Прометей: Историко-биографический альманах. Серия «Жизнь замечательных людей»*, т. 15 / Сост. Г. Аксенов; науч. ред. И. И. Мочалов. М.: Молодая гвардия.
- Вернадский Г. В. 2000.** *Начертание русской истории*. СПб.
- Вернадский В. 2007.** *Пережитое и передуманное / Предисловие Э. М. Галимова; сост. коммент., предисл. С. И. Капелуш*. М.: Вагриус.
- Ломоносов М. В. 1952.** *Полн. собр. соч.* Т. 6. М.; Л.: Изд-во Академии наук.
- Ноосфера XXI века.** Электронный альманах. Б. г. URL: <http://noos.vgi.volsu.ru>; <http://www.socionauki.ru/>
- Тейер де Шарден П. 1987.** *Феномен человека*. М.: Наука.

Аннотация

На основе анализа биографии и творчества академика В. И. Вернадского раскрывается триединство становления ноосферного статуса Человека, ноосферной ипостаси Личности, ноосферной миссии Гражданина в служении человечеству. Вернадский – первый мыслитель, исследователь и деятель глобального масштаба (в современном понимании), показавший, что природа Земли – среда жизни, мысли, деяний народов в темпоральных циклах «вчера – сегодня – завтра» цивилизации. Это позволило ему создать учение о биосфере, определить императивы эволюции биосферы в ноосферу, разрешить парадокс Человека в эволюции (коэволюции) природы, общества и цивилизации. Автор убеждает: биография и научное творчество великого гражданина России и мира стали началом «вернадскианской революции» в научной картине мира; его наследие вошло в ядро ноосферной парадигмы упреждающего управления развитием глобального общества; заложило этноэкологические императивы ноосферной революции в мировоззрении граждан XXI в.

Ключевые слова: учение о биосфере, эволюция биосферы в ноосферу; ноосферная миссия науки и системы образования; ноосферная революция цивилизации XXI в.